

«ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ТРАМВАЙ» НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА: ЛИТЕРАТУРНО-МИФОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИКО-БИО- ГРАФИЧЕСКИЕ КОНТЕКСТЫ ТРАМВАЙНОГО МАРШРУТА

Алина Лукашова

Институт языков и культур Балтийского региона

Вильнюсский университет, Литва

E-mail: alina.lukashova@flf.stud.vu.lt

Резюме. В статье с опорой на различные интерпретации стихотворения Николая Гумилева «Заблудившийся трамвай» рассматриваются некоторые нюансы использования поэтом античных сюжетов и образов, а также отдельные внетекстовые моменты, в частности, важный для наших рассуждений вопрос о дате создания произведения. Особое внимание уделяется вопросу о смыслах таинственного маршрута трамвая через три моста. Три реки, упомянутые в стихотворении – Нева, Нил и Сена, обычно рассматриваются как символы радикальных трансформаций в жизни народа и общества (Октябрьская революция, Исход евреев из Египта, Великая французская революция). В статье предполагается, что событием, связанным с Нилом, могла быть не страница из еврейской истории, а революция в Египте в первой половине XX в. Таким образом, символика трамвая расширяется до символа абстрактной мировой революции.

Ключевые слова: Гумилев, Аид, Орфей, трамвай, Нил, революция.

NIKOLAY GUMILEV'S *THE LOST TRAM*: LITERARY-MYTHOLOGICAL AND HISTORICAL-BIOGRAPHICAL CONTEXTS OF THE TRAM ROUTE

Alina Lukashova

Institute for the Languages and Cultures of the Baltic

Vilnius University, Lithuania

Abstract. The article discusses various interpretations of Nikolai Gumilev's poem *The Lost Tram*. Attention is paid to the nuances of the use of ancient plots in the poem. Important questions about the date of writing the work are raised. Particular attention is paid to the mysterious route through three bridges. The three rivers mentioned in the poem – the Neva, the Nile, and the Seine – are usually regarded as symbols of radical transformations in the life of people and society (the October Revolution, the exodus of Jews from Egypt, and the Great French Revolution). The article suggests that the event associated with the Nile could not have been a page from

the Jewish history, but rather the revolution in Egypt in the first half of the 20th century. Thus, the symbolism of the tram expands to the symbol of an abstract world revolution.

Keywords: Nikolay Gumilev, Hades, Orpheus, tram, Nile, revolution.

«Заблудившийся трамвай» – одно из самых загадочных стихотворений Николая Гумилева и, пожалуй, русской поэзии в целом. Стихотворение, которое поэт, как вспоминала поэтесса, мемуарист и прозаик, ученица Гумилева Ирина Одоевцева, написал за 40 минут (Одоевцева, 1988, с. 273), было еще и весьма нехарактерным для Гумилева. Как отмечает Дмитрий Быков, «для Гумилева, акмеиста, всегда стремящегося к четкости, ясности поэтической фабулы, этот рассказ о сне действительно довольно удивителен, потому что это рассказ импрессионистический, путанный – это предсмертные стихи, по большому счету» (Быков, 2016).

В чем именно заключается таинственность или «путаность» этого стихотворения? Обратимся, к примеру, к дате его написания. Разные источники указывают различные даты: стихотворение атрибутируется 1919-м, 1920-м, а в некоторых источниках 1921-м годом. Указание той или иной даты зависит от того, на чьи воспоминания опираются исследователи. Что касается таинственности стихотворения, то буквально каждая его строфа скрывает в себе загадку. Кто такой «вагоновожатый» и «Машенька», почему выбран маршрут через мосты Невы, Нила и Сены, что означает пересечение этих трех рек? Что такое «Индия Духа» и «Дом в три окна» с «дощатым забором»? В данной статье будут рассматриваться лишь некоторые из загадочных сюжетов и образов стихотворения, связанные с его античной и дантовской подоплекой, трамвайным маршрутом через три моста и датой написания.

Смысловая и образная загадочность «Заблудившегося трамвая» дает простор для разнообразных интерпретаций, которые опираются на историко-биографические, культурно-символические, психологические, идейно-философские, интертекстуальные методы анализа текста. С нашей точки зрения, наиболее убедительные и иллюстрирующие различные методы анализа стихотворного текста представляют собой работы Дины Магомедовой, Вячеслава Вс. Иванова, Лилии Бельской, Юрия Зобнина, Елены Куликовой.

Так, Бельская в статье «Как “заблудившийся трамвай” превратился в “трамвай-убийцу”» использует культурно-символической потенциал

стихотворения. Автор, опираясь на работу Романа Тименчика¹, рассуждает о «трамвайном мифе» в русской литературе, о том, что стихотворение Гумилева стало квинтэссенцией всех изображений трамвая поэтами Серебряного века и надолго предопределило восприятие этого образа. Безусловно, смена эпох накладывает отпечатки на восприятие образа и подходы к «трамвайной» теме: трамвай становится символом прошлого, ушедшей эпохи (Бельская, 1998). В статье Зобнина «“Заблудившийся трамвай” Н. С. Гумилева (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста)» представлен, с нашей точки зрения, наиболее полный анализ стихотворения. Исследование Зобнина – своеобразный синтез различных методов текстового анализа, работающих на подтверждение и дополнение идейно-философского смысла стихотворения. Зобнин выдвигает гипотезу, что путешествие лирического героя «Заблудившегося трамвая» в прошлое отражает перемещение не в «собственно-реальном», а в «духовном пространстве» автора: «В “обратном порядке” перед нами разворачивается путь духовных исканий Гумилева: от адамизма 1912–1916 годов через пору мучительного “преодоления” символического “декадентства” к раннему юношескому увлечению символизмом (1905–1908)» (Зобнин, 1993, с. 178). Исследователь рассматривает также сюжетные аналогии и подтекст «Заблудившегося трамвая», отсылающий к «Божественной комедии» Данте. Зобнин сравнивает дантовского Вергилия с гумилевским «вагоновожатым», в его сопровождении лирический герой Гумилева «[...] устремляется в прошлое, в ад собственной безбожной души» (Там же, с. 183). Представляется, что возможно дополнить рассуждения Зобнина о «вагоновожатом» и о пути лирического героя «Заблудившегося трамвая».

В тексте Данте вожатым действительно именуется Вергилий, но на гумилевского персонажа – «вагоновожатого» можно посмотреть шире и говорить о нем как о Хароне (он есть и у Данте), который перевозит души через реку Ахерон² к вратам Аида. Подобное предположение соответствует строкам: «[...] Люди и тени стоят у входа / В зоологический сад планет» (Гумилев, 2001, с. 82)³. Можно обратиться к поэме

1 См.: Тименчик, 2017, с. 361–426.

2 В некоторых источниках река Стикс.

3 Как пишет Е. Куликова, «в стихотворение [...] включен важный для поэта оттек мореплавания – плавание онтологического – пути в царство Аида на своем рода лодке Харона» (Куликова, 2009).

«Энеида» Вергилия, в которой упоминается, что Энею нужно достать золотую пальмовую ветвь, с помощью которой герой сможет вернуться в мир живых (Вергилий, 1979, с. 244–245). Лирический герой Гумилева садится в трамвай с «вагоновожатым» – как в лодку к Харону, оказывается в «бездне времен» – в Аиде, затем в пальмовой (!) роще, затем снова погружается в Аид «собственной безбожной души» (Зобнин, 1993, с. 183) и возвращается в реальный мир.

Поскольку в структуре стихотворения, как и Аида, важную роль играют реки, то имеет смысл их сопоставить. В «Заблудившемся трамвае» упоминаются три реки – Нева, Нил и Сена. В Аиде протекают пять рек – Стикс, Ахерон, Пирифлегетон, Лета и Коцит. В древнегреческой мифологии река Стикс олицетворяет первобытный ужас и мрак, из которых возникли первые живые существа (Мифы народов мира, 1992, с. 469). В контексте рассматриваемого стихотворения подобное античное представление может быть сопоставимо с Невой, Нилом и Сенной как образами, воплощающими революцию⁴. Лета символизирует забвение, мотив которого также присутствует в стихотворении Гумилева в 10-й строфе: «Машенька, ты здесь жила и пела, / Мне, жениху, ковер ткала, / Где же теперь твой голос и тело, / Может ли быть, что ты умерла?». Согласно мифологическому словарю (Арчер, 2006) и структуре кантики «Ад» в «Божественной комедии» Данте, в Ахерон (1-й круг Ада) впадает Пирифлегетон (7-й круг Ада), что соответствует нетипичной кольцевой эпифоре, которая находится в середине стихотворения Гумилева – 3-я и 9-я строфы, которые завершаются словами: «Остановите, вагоновожатый, / Остановите сейчас вагон!». Если вести отсчет от первого упоминания просьбы остановить вагон, то получается, что 3-я строфа будет первой, что символизирует 1-й круг Ада и реку Ахерон, а 9-я строфа седьмой – 7-й круг, река Флегетон.

Выходя за рамки первой части «Божественной комедии» и учитывая то, что Гумилеву не было чуждо⁵ использование античных мотивов, можно провести параллель и с мифом об Орфее и Эвридике. У Орфея была возлюбленная Эвридика, которая умерла, точно так же у лирического героя стихотворения есть возлюбленная Машенька, которой, вероятно, тоже нет в живых. Орфей спускается за любимой в царство

4 Подробнее об этих реках как о символах революции речь пойдет ниже.

5 «Римский цикл», «Цикл итальянских стихов», а также стихи Гумилева, не объединенные в циклы, его пьесы, переводы, эссеистика. См. подробнее: Теперик, 2008, с. 414–420.

мертвых (Тартар, Аид, Ад), очаровывает своим пением всех стражей (Харона и даже Гадеса [Аида] тронула пленительная музыка). Аид позволил Эвридике вернуться в мир живых. При одном условии: по пути из Тартара Орфей не должен был оглядываться до тех пор, пока Эвридика не выйдет на солнечный свет. Уже увидев солнечный свет, Орфей обернулся, и Эвридика исчезла. Так они расстались навсегда. Орфей скорбел по Эвридике до тех пор, покуда не был разорван вакханками на части, но даже после этого его охладевшие уста звали Эвридику (Грейвс, 2005, с. 139).

Сравним вышеизложенное с одним из сюжетов стихотворения Гумилева. Герой с помощью вожатого добирается до дна ада (Зобнин, 1993, с. 183) – 3-я строфа: «[...] Он заблудился в бездне времен...»; его возлюбленная умирает – 10-я строфа: «[...] Где же теперь твой голос и тело, / Может ли быть, что ты умерла?»; он спускается к правителью Аида, чтобы вернуть ее, но теряет ее навеки – строфа 11-я: «[...] Шел представляться Императрице / И не увиделся вновь с тобой»⁶. После окончательной потери любимой лирический герой Гумилева, как и Орфей, безнадежно скорбит. В 14-й строфе он заказывает панихиду по себе и молебен о здравии Машеньки, потому что его душа – любовь – умерла, а Машенька навеки жива: в его сердце, памяти и в царстве мертвых.

В стихотворении есть мотив отрубленной головы – 6-я и 7-я строфы: «[...] Мертвые головы продают. / [...] Голову срезал палач и мне, / Она лежала вместе с другими / Здесь в ящике скользком на самом дне». По мнению Е. Куликовой, этот мотив мог быть использован Гумилевым под влиянием французской культуры (Куликова, 2015)⁷. «Видение “мертвой головы” открывает неизбежную устремленность каждого поэта к судьбе Орфея», – подчеркивает Куликова. Итак, на дне скользкого ящика у Гумилева могут лежать головы Орфея, Иоанна Крестителя, а также самого героя. Атмосфера «Заблудившегося трамвая» довольно мрачная, можно сказать, мистическая, в ней проступают религиозные

6 Лирический герой отправился к императрице, властительнице России, как в «Капитанской дочке» Маша Миронова шла просить милости у Екатерины II, а Орфей просил Властителя Аида помиловать Эвридику.

7 Исследовательница приводит тексты Бодлера и Леконта де Лиля, а также работы французских художников-символистов Г. Моро, Г. Доре и О. Редона – «Орфей», «Саломея», «Саломея у колонны», «Явление», «Голова Орфея», «Смерть Орфея».

мотивы⁸, что характерно для орфиков, возводивших свое учение к мифическому поэту Орфею (Тронский, 1983, с. 69).

О срезанной голове у Гумилева чаще всего рассуждают в контексте предвидения поэтом собственной смерти. Такая версия не отрицается, но добавим, что отсечение собственной головы Гумилев увидел во сне после африканской охоты: «Ночью мне приснилось, что за участие в каком-то абиссинском дворцовом перевороте мне отрубили голову. И я, истекая кровью, аплодирую уменью палача и радуюсь, как все это просто, хорошо и совсем не больно» (цит. по: Иванов, 2000, с. 223).

Перейдем к рассмотрению образов Невы, Нила и Сены в двух аспектах — историческом и биографическом. В связи с этим остановимся на истории создания «Заблудившегося трамвая», так как она имеет несколько вариантов (споры о датировке стихотворения связаны с историей его написания).

Почему предлагаются именно биографическая и историческая точки зрения? Дело в том, что первая кажется более чем очевидной, но одновременно довольно неоднозначной и слабой. Вторая же будет выступать в роли своеобразного оппонента по отношению к первой.

Начнем со статьи Юрия Кроля «Об одном необычайном трамвайном маршруте (“Заблудившийся трамвай” Н. С. Гумилева)», в которой он использует биографический метод для интерпретации «Заблудившегося трамвая». Кроля заинтересовал маршрут трамвая. Исследователь утверждает, что образы Невы, Нила и Сены иллюстрируют знаковые места в жизни поэта. Перед этим Кроль подчеркивает, что трамвай движется в прошлое: «[...] вслед трамваю смотрит старик, “Что умер в Бейруте год назад”» (Кроль, 1990, с. 209). В итоге автор статьи устанавливает такую последовательность событий: «сначала он [Гумилев] увидел Сену (лето 1906 г.), затем Нил (октябрь 1908 г.), а в конце концов оказался на Неве; значит, во время путешествия в прошлое поэт должен переезжать эти реки в обратном порядке» (Там же).

В этом маршруте Нева (1921) обозначает место нахождения поэта в Петрограде в год написания стихотворения, Нил (1908) – начало четырех африканских путешествий поэта, а Сена (1906) – пребывание Гумилева в Париже. Рассуждение выглядит достаточно убедительным. Но сам автор статьи первым начинает сомневаться в своих суждениях,

8 Упоминаются Исаакиевский собор, молебен и панихида («Верной твердынею православья / Врезан Исакий в вышине, / Там отслужу молебен о здравии / Машеньки и панихиду по мне»).

утверждая, что «[...] текст стихотворения не следует хронологии жестко [...]» (Там же).

Критикует рассуждения Кроля и Зобнин. По его мнению, события, выбранные Кролем в качестве весомых знаков биографии Гумилева, могут быть различными: например, «[...] “Сена” может символизировать не только 1906–1908, но и 1917–1918 гг. (время второго посещения Гумилевым Парижа) или свадебную поездку с Ахматовой в 1910 г.» (Зобнин, 1993, с. 177).

Еще одним решающим аргументом не в пользу позиции Кроля выступает дата написания стихотворения, на которую он указывает, – 1921 г. Выше упоминалось, что год создания – одна из загадок «Заблудившегося трамвая». Почему Кроль называет именно 1921 г., и верно ли это утверждение? Для прояснения этого вопроса обратимся к истории написания «Заблудившегося трамвая».

Существуют две версии, основывающиеся на воспоминаниях современников Гумилева – Ирины Одоевцевой и Николая Оцупа⁹. Рассказ Одоевцевой, на который, вероятно всего, опирался Кроль, звучит так:

Было это весной 1921 года. Я зашла за Гумилевым в 11 часов утра, чтобы идти вместе с ним в Дом искусств. [...] – Нет, мы куда не пойдем, – сразу заявил он. – Я недавно вернулся домой и страшно устал. Я всю ночь играл в карты и много выиграл. Мы останемся здесь и будем пить чай. Я поздравила его с выигрышем, [...]. А он уже продолжал: – Поздравить вы меня можете с совершенно необычайными стихами, которые я сочинил, возвращаясь домой. И так неожиданно, – он задумался на мгновение. – Я и сейчас не понимаю, как это произошло. Я шел по мосту через Неву – заря и никого кругом. Пусто. Только вороны каркают. И вдруг мимо меня совсем близко пролетел трамвай. Искры трамвая, как огненная дорожка на розовой заре. Я остановился. Меня что-то вдруг пронзило, осенило. Ветер подул мне в лицо, и я как будто что-то вспомнил, что было давно, и в то же время как будто увидел то, что будет потом. Но все так смутно и томительно. Я оглянулся, не понимая, где я и что со мной. Я постоял на мосту, держась за перила, потом медленно двинулся дальше, домой. И тут-то и случилось. Я сразу нашел первую строфу, как будто получил ее готовой, а не сам сочинил. Слушайте:

9 Николай Оцуп (1894–1958) — поэт и переводчик, издатель, друг Гумилева.

*Шел я по улице незнакомой
И вдруг услышал вороний грай,
И звоны лир, и дальние громы –
Передо мной летел трамвай.*

Я продолжал идти. Я продолжал произносить строчку за строчкой, будто читаю чужое стихотворение. Все, все до конца. Садитесь! Садитесь и слушайте! Я сажусь тут же в кухне за стол, а он, стоя передо мной, взволнованно читает:

*Как я вскочил на его подножку,
Было загадкой для меня.*

(Одоевцева, 1988, с. 271–272)

Данный фрагмент четко указывает на дату написания – весна 1921 г. Однако биограф Гумилева Валерий Шубинский отмечает, что «[...] написано это стихотворение годом (больше, чем годом) раньше, и уже в октябре 1920-го поэт впервые прочел его с эстрады Дома искусств, а в январе 1921-го оно было опубликовано» (Шубинский, 2014, с. 598). К тому же это одно из немногих произведений Гумилева, название которого можно обозначить точной датой. Как довод Шубинский приводит свидетельство Оцуа:

Однажды... в 5 часу утра мы с Гумилевым и несколькими знакомыми возвращались домой после ночи, проведенной на Васильевском острове у инженера Крестина. Гумилев был в прекрасном настроении – он только что подписал с нашим гостеприимным хозяином договор о переиздании своих книг и получил аванс. Он не задумывался, почему какой-то чудаковатый в такое трудное время нашел возможность купить у него права на «Жемчуга», «Колчан» и другие книги стихов. О дружеском заговоре Н. С. не подозревал. Между тем написанный им от руки на двух листках договор за подписью поэта был тогда же передан мне инженером Крестинным, и любители автографов могут видеть у меня, когда захотят, этот любопытный документ. Благодаря вмешательству друзей Гумилева Крестин сыграл благородную роль мецената под видом издателя [...] Гумилев был оживлен, шутил, говорил о переселении душ, и вдруг посередине его фразы над нами послышался какой-то необычайный грохот и звон, неожиданность была так велика, что мы все остановились, неожиданнее всего было то, что эти странные звуки производил обыкновенный трамвай, неизвестно откуда и почему взявшийся в 5 часов утра на Каменноостровском проспекте [...] Трамвай почти поравнялся с нами

и чуть замедлил ход, приближаясь к мосту. В этот момент Гумилев издал какой-то воинственный крик и побежал наискось и наперерез к трамваю. Мы увидели полы его развевающейся лапландской дохи, он успел сделать в воздухе какой-то прощальный взмах рукой, и с тем же грохотом и звоном таинственный трамвай мгновенно унес от нас Гумилева. Я вдвойне благодарен Крестину, говорил мне через день Гумилев [...] за аванс и за то, что, не засидись мы у него, я не написал бы «Заблудившийся трамвай». (Там же)

Дополняя это воспоминание выводом, что «договор с Крестиним подписан 29 декабря 1919 года, значит, черновая редакция стихотворения датируется следующим днем» (Там же), Шубинский выводит точную дату создания «Заблудившегося трамвая» – 30 декабря 1919 г. Ошиблась ли в датах Одоевцева, или память изменила Оцупу? Вот в этом-то и заключается тайна, которая так и останется неразгаданной.

Наиболее бесспорной кажется интерпретация образа «трамвая» и трех рек (Невы, Нила и Сены) с исторической точки зрения. Здесь обратимся к Д. Быкову, который рассуждает об упомянутых выше образах в историко-революционном контексте. «Трамвай» Быков характеризует как «символ движения истории» в литературе, а гумилевский трамвай как «символ русской революции» (Быков, 2016).

Несколько расширим это умозаключение. Представляется, что трамвай символизирует революцию как мировой феномен, т.е. его движение, возможно, является символом временного и пространственно-го развития свершившейся российской революции либо олицетворяет историко-философскую категорию революции как катастрофического феномена в жизни человечества вообще. Быков говорит, что трамвай пронесется через три моста, три реки, символизирующие ключевые вехи в истории человечества: «через Неву, где совершилась Октябрьская революция, через Сену, где произошла Великая французская революция, и везет его [лирического героя] к Нилу, где, начиная с бегства евреев из Египта, зародилась многовековая борьба против рабства» (Быков, 2016).

Дополним рассуждения исследователя не учтенным им любопытным историческим фактом: в 1919 г. в Египте, а именно в Каире, который расположен на реке Нил, произошла революция, в ходе которой бастовали студенты, юристы и т. д., а также железнодорожное и трамвайное депо (Gerges, 2013, p. 67). Каких-либо доказательств того, что Гумилев знал об этих событиях, например, из газет, пока найти не уда-

лось. Однако факт участия трамвайного депо в египетской революции представляется весьма значительным для еще одной интерпретации образа трамвая у Гумилева: Нил в этом случае мог быть упомянут в связи с революционными событиями в арабском протекторате Великобритании, через три года обретшем независимость. Таким образом, гумилевский трамвай выступает не только как аллегория конкретных русской и французской революций, но, включив в себя не менее конкретную революцию в Каире в 1919 г., является символом некой абстрактной мировой революции, сотрясавшей и сотрясающей человечество в разные времена и эпохи.

Литература

- Арчер, В. (ред.), 2006. *Мифологический словарь*. Москва: АСТ, Астрель, Транзиткнига.
- Бельская, Л.Л., 1998. Как «заблудившийся трамвай» превратился в «трамвай-убийцу». *Русская речь*, 2. Москва: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, с. 20–30.
- Быков, Д.Л., 2016. *Гумилев. «Заблудившийся трамвай»*. Из курса «Литература XX века. Сезон 3». (видеолекция). Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=g3Q1QB8pjRg&ab_channel=Arzamas [см. 23 05 2022].
- Вергилий, 1979. *Буколики. Георгики. Энеида* / Пер. с лат. С. Ошерова. Москва: Художественная литература, с. 244–245.
- Грейвс, Р., 2005. *Мифы Древней Греции* / Пер. с англ. К. Лукьяненко. Екатеринбург: У-Фактория, с. 139–143.
- Гумилев, Н.С., 2001. Заблудившийся трамвай. In: Гумилев, Н.С. *Полное собрание сочинений в 10 т*. Москва: Воскресенье. Т. 4, с. 81–83.
- Данте Алигьери, 1967. *Божественная комедия* / Пер. М. Лозинского. Москва: Наука.
- Зобнин, Ю.В., 1993. «Заблудившийся трамвай» Н. С. Гумилева (к проблеме дешифровки идейно-философского содержания текста). *Русская литература*, 4. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, с. 176–192.
- Иванов, Вяч. Вс., 2000. Звездная вспышка (Поэтический мир Н. Гумилева). In: Иванов, Вяч. Вс. *Избранные труды по семиотике и истории культуры*. Т. II: *Статьи о русской литературе*. Москва: Языки русской культуры, с. 220–245.
- Кроль, Ю.Л., 1990. Об одном необычном трамвайном маршруте («Заблудившийся трамвай» Н.С. Гумилева). *Русская литература*, 1. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, с. 208–218.
- Куликова, Е., 2015. Об одном мортальном сюжете в творчестве Н. Гумилева: «Отрубленная голова». *Journal of Siberian Federal University*.

- Humanities & Social Sciences*, 7, pp. 1396–1404. Режим доступа: <https://gumilev.ru/about/291/> [см. 23 05 2022].
- Магомедова, Д.М., 2007. Об одной пушкинской аллюзии в «Заблудившемся трамвае» Н.С. Гумилева. *Новый филологический вестник*, 2(5). Москва: Изд-во Ипполитова, с. 225–228.
- Мифы народов мира*, 1992. / Ред. С.А. Токарев. Москва: Советская энциклопедия. В 2 т. Т. 2.
- Одоевцева, И.В., 1988. *На берегах Невы*. Москва: Художественная литература.
- Таперик, Т.Ф., 2008. О некоторых аспектах античных мотивов в творчестве Н.С. Гумилева. *Индоевропейское языкознание и классическая филология*, 12. Санкт-Петербург: Институт лингвистических исследований РАН, с. 414–420. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-antichnyh-motivov-v-tvorchestve-n-s-gumilyova> [см. 23 05 2022].
- Тименчик, Р.Д., 2017. *Подземные классики: Иннокентий Анненский. Николай Гумилев*. Москва: Мосты культуры / Гешарим.
- Тронский, И.М., 1983. *История античной литературы: Учебник для ун-тов и пед. ин-тов*. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Высшая школа.
- Шубинский, В.И., 2014. *Зодчий. Жизнь Николая Гумилева*. Москва: АСТ: CORPUS.
- Gerges, Fawaz A., ed., 2013. *The New Middle East: Protest and Revolution in the Arab World*. Cambridge: Cambridge University Press.

References

- Archer, V. (red.), 2006. *Mifologičeskij slovar'*. Moskva: AST, Astrel', Tranzitkniga.
- Bel'skaja, L.L., 1998. Как «zabludivshijsja tramvaj» prevratilsja v «tramvaj-ubijcu». *Russkaja rech'*, 2. Moskva: Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN, s. 20–30.
- Bykov, D.L., 2016. *Gumilev. «Zabludivshijsja tramvaj». Iz kursa «Literatura XX veka. Sezon 3»*. (videolekcija) // https://www.youtube.com/watch?v=g3Q1QB8pjRg&ab_channel=Arzamas [sm. 23 05 2022].
- Dante Alig'eri, 1967. *Bozhestvennaja komedija* / Per. M. Lozinskogo. Moskva: Nauka.
- Gerges, Fawaz A., ed., 2013. *The New Middle East: Protest and Revolution in the Arab World*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Grejvs, R., 2005. *Mify Drevnej Grecii* / Per. s angl. K. Luk'janenko. Ekaterinburg: U-Faktorija, s. 139–143.
- Gumilev, N.S., 2001. *Zabludivshijsja tramvaj*. In: Gumilev, N.S. *Polnoe sobranie sočinenij v 10 t.* Moskva: Voskresen'e. T. 4, s. 81–83.
- Ivanov, Vjach. Vs., 2000. *Zvezdnaja vspyshka (Pojetičeskij mir N. Gumileva)*.

- Ivanov, Vjach. *Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T. II: Stat'i o russkoj literature*. Moskva: Jazyki russkoj kul'tury, s. 220–245.
- Krol', Ju.L., 1990. Ob odnom neobychnom tramvajnom marshrute («Zabludivshijsja tramvaj» N.S. Gumileva). *Russkaja literatura*, 1. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, s. 208–218.
- Kulikova, E., 2015. Ob odnom mortal'nom sjuzhetе v tvorcestve N. Gumileva: «Otrublennaja golova». *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 7, pp. 1396–1404. <https://gumilev.ru/about/291/> [sm. 23 05 2022].
- Magomedova, D.M., 2007. Ob odnoj pushkinskoj alljuzii v «Zabludivshemsja tramvae» N.S. Gumileva. *Novyj filologičeskij vestnik*, 2(5). Moskva: Izdvo Ippolitova, s. 225–228.
- Mify narodov mira*, 1992. / Red. S.A. Tokarev. Moskva: Sovetskaja jenciklopedija. V 2 t. T. 2.
- Odoevceva, I.V., 1988. *Na beregah Nevy*. Moskva: Hudozhestvennaja literatura.
- Shubinskij, V.I., 2014. *Zodchij. Žizn' Nikolaja Gumileva*. Moskva: AST: CORPUS.
- Taperik, T.F., 2008. O nekotoryh aspektah antichnyh motivov v tvorcestve N.S. Gumileva. *Indoevropejskoe jazykoznanie i klassičeskaja filologija*, 12. Sankt-Peterburg: Institut lingvističeskich issledovanij RAN, s. 414–420. <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-aspektah-antichnyh-motivov-v-tvorcestve-n-s-gumilyova> [sm. 23 05 2022].
- Timenchik, R.D., 2017. *Podzemnye klassiki: Innokentij Annenskij. Nikolaj Gumilev*. Moskva: Mosty kul'tury / Gescharim.
- Tronskij, I.M., 1983. *Istorija antichnoj literatury: Učebnik dlja un-tov i ped. in-tov*. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva: Vysshaja shkola.
- Vergilij, 1979. *Bukoliki. Georgiki. Jeneida* / Per. s lat. S. Ošerova. Moskva: Hudozhestvennaja literatura, s. 244–245.
- Zobnin, Ju.V., 1993. «Zabludivshijsja tramvaj» N. S. Gumileva (k probleme deshifrovki idejno-filosofskogo sodержanija teksta). *Russkaja literatura*, 4. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie, s. 176–192.